

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра зарубежной филологии и прикладных коммуникаций

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему «Англоязычное описание реалий русской кухни в сфере кулинарии»

Исполнитель _____ Черкашин Алексей Андреевич _____

(фамилия, имя, отчество)

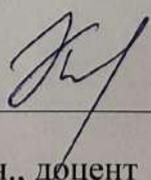
Руководитель _____ к.ф.н, доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Грибенник Дмитрий Владимирович _____

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.о. заведующего кафедрой _____

_____ к.ф.н., доцент _____

(ученая степень, ученое звание)

_____ Крючкова Юлия Викторовна _____

«17» 06 2024.

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Реалии как переводоведческий объект	7
1.1. Определение понятия «реалии».....	7
1.2. Типология реалий.....	17
1.3. Способы передачи реалий.....	23
Выводы по Главе 1.....	30
Глава 2. Особенности англоязычной репрезентации наименований блюд русской кухни	32
2.1. Передача наименований блюд из категории напитков.....	32
2.2. Передача наименований блюд из категории десертов	35
2.3. Передача наименований блюд из теста.....	38
2.4. Передача наименований блюд из категории супов.....	42
2.5. Передача наименований блюд из крупы.....	46
Выводы по Главе 2.....	49
Заключение.....	51
Список используемой литературы.....	55
Приложение.....	61

Введение

Межкультурная коммуникация играет важную роль в современном мире, позволяя людям из различных культур взаимодействовать и обмениваться информацией. Нельзя забывать, что двадцать первый век – это также эпоха активной глобализации и информационного всплеска, ведь сегодня практически каждый человек может моментально найти и изучить необходимую ему информацию. Благодаря все той же глобализации все больше и больше людей интересуются различными культурами других стран посредством интернета или путешествий по миру.

Одним из главных аспектов буквально каждой культуры является ее кухня, которая включает в себя историю, взгляды и быт людей. Россия не является исключением. Имея довольно богатое прошлое, наша страна сформировала собственную уникальную и отличительную кулинарную реалью, которая всегда интересовала иностранцев и приносила свой вклад не только в европейскую, но и в мировую общность.

Англия, являясь значительную часть своей истории торговой империей, очень часто контактировала с Россией и ее кулинарной культурой, вследствие чего мы можем найти ряд заимствований и адаптаций наших блюд в англоязычной среде.

В каждой национальной культуре имеются реалии, которые относятся к прецедентным феноменам и требуют особого пояснения для представителя иной культуры. Вопрос изучения реалий поэтому всегда остаётся актуальным. Сфера русской кухни и реалии, отражающие ее, представляют собой интересную платформу для исследования за счет того, что по представленной тематике на данный момент не представлено достаточно исследований лингвистов, а также потому, что русская кулинарная традиция и ее реалии имеют свои характерные особенности и выдающиеся блюда, которые имеют глубокие корни в русской культуре и истории, а также являются отражением

традиций, за счет чего могут вызывать широкий интерес у иностранного населения.

На основе данного аспекта нам следует определить, при помощи чего и вследствие чего англоязычное население заимствует единицы характеризующие нашу кухню.

Объект исследования: реалии русской национальной кухни в английских источниках.

Предмет исследования: заимствование и адаптация реалий русской кухни в англоязычной среде.

Цель исследования: выявить особенности в передаче русских кулинарных реалий на примерах заимствования определенных блюд.

Задачи исследования:

- Проанализировать понятие «реалия», рассмотреть различные подходы к описанию данного аспекта;
- Обозреть классификации языковых и культурных реалий, представленные различными авторами;
- Рассмотреть способы передачи реалий;
- Проанализировать способы заимствования реалий на примере русской кухни и выявить их особенности.

Методы исследования:

- Лингвистическое описание;
- Сравнительно-сопоставительный анализ;
- Классификационный метод;
- Метод семантического дифференцирования;
- Метод выборки.

Методологической базой данной работы выступили исследования В. В. Кабакчи в области изучения межкультурной коммуникации, Т. А. Казаковой, В. С. Виноградова, З. Н. Прошиной, Ж. Н. Сарангаевой в области переводоведения, Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова в области лингвострановедения и других, которые затрагивали вопросы реалий, их классификаций и способов их передачи.

Материалы исследования: 60 реалий русской кухни, взятые из меню ресторана русской кухни в США «Sadko», книг рецептов русской кулинарии на английском языке: «The Food and Cooking of Russia» L. Chamberlain, «A taste of Russia» D. Goldstein, «The Art of Russian cuisine» A. Volokh, «The delights of Russian cuisine» Y. Webb, «Cooking the Russian way» R. Wolfe, переводов сказок П. П. Бажова, представленных П. Уильямсом и произведений А. И. Солженицына, осуществленных Р. Паркером на английский язык.

Практическая значимость данной работы реализуется в применении ее результатов в процессе создания сборников и учебников по теории и практике перевода и лингвистической культурологии. Итоги данного исследования помогут лучше определить различные подходы к переводу культурных реалий в сфере кулинарии, разные точки зрения по поводу выбора того или иного способа передачи подобных единиц и выявить определенные закономерности. Все это является актуальной информацией, способной вызвать интерес для переводчиков. Также важно отметить, что проблемы исследования реалий как единиц, передающих традиции, быт и культуру народа, определенно являются важными и полезными для методологии обучения иностранным языкам и лексикографии.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы. Во введении определяются цели и задачи исследования, формулируются объект и предмет исследования, приводится методология, теоретическая и практическая база исследования, обосновывается актуальность, научная новизна и практическая значимость работы, описывается ее структура.

В Главе I исследуются определения языковых реалий, их классификации и способы их передачи. В Главе II проводится анализ передачи реалий русской кухни на английский язык, выделяются определенные закономерности и характерные черты. В заключении обобщаются основные теоретические выводы по данному вопросу и подводятся итоги практического исследования. Список литературы включает в себя 51 источник, из которых 33 источника теоретической части, 5 словарей, 10 источников фактического материала и 3 электронных ресурса.

Глава 1. Реалии как переводоведческий объект

1.1. Определение реалии

В процессе практически любого перевода сталкиваются, как правило, не только сами языки, но и свойства, характеристики, особенности и различия культур носителей этих языков. Таким образом, одной из важнейших задач любого переводчика является правильная и адекватная передача деталей и характеристик подлинного текста. К ним как раз и относятся реалии языка.

Абсолютно каждый язык на нашей планете отражает различные явления и процессы, происходящие в мире, особые предметы, характерные для разных народов, проживающих на ограниченной территории. Стоит подчеркнуть, что представители всех национальностей имеют свойства, явления, объекты, относящиеся только к этому народу и его историческим, географическим, социально-политическим и другим условиям становления идентичности, существование которых определенным образом обосновывается наличием у представителей каждой культуры на планете своего уникального и неповторимого "мировоззрения", т.е. «целостной совокупности образов действительности, которая существует в индивидуальном или коллективном сознании и отражается в коммуникативной деятельности. Поскольку языковая картина мира существует не в языке, а в сознании, то многие специалисты предпочитают использовать термин лингвоментальная картина мира» [29, с. 43].

Определенная часть этой картины мира состоит из реалий. Реалии в широком смысле этого слова представляют собой элементы национальной и исторической идентичности, отраженные в языке при помощи использования неэквивалентной или же безэквивалентной лексики. [22, с. 47]. (чаще всего к безэквивалентной лексике лингвисты приписывают: слова-реалии, временно безэквивалентные термины, случайно безэквивалентные слова [36, с. 25]). У. Чейф полагает, что предать какой-либо язык в мире описанию не

представляется возможным без внимания к ключевым факторам сознания, мышления и поведения людей – носителей языка [32, с. 30], тем самым корректный и качественный перевод попросту нереален, если не придавать значение языковым и культурным реалиям. Как правило, найти и определить реалии в тексте не представляет большого труда, так как они довольно ярко и четко выделяются на фоне другой лексики благодаря своей необычности и экзотичности, именно поэтому их часто называют национальноокрашенной лексикой. Само определение «безэквивалентная лексика» было впервые использовано Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. На основе своих исследований ими предложено следующее определение реалии: «Реалии – это слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т.е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре В, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [5, с. 53]. Данное определение одно из многих определений реалий, которых за время изучения данного понятия накопилось большое количество.

Необходимо отметить, что только в начале 1950-х годов люди начали говорить о реалиях как о показателях разнообразия, конкретных или видимых элементах национальной идентичности [12, с. 24]. Именно в то время, а точнее в 1952 году Л. Н. Соболев употребил термин «реалия» и дал ему определение – «предмет своей или иной культуры, называющий то или иное понятие культурно обусловленным словом» [35, с. 154].

Тем самым, можно определить, что, в теории перевода понятие «реалии» используется в двух смыслах. Говоря про первое значение, реалии – это любые отличительные объекты, явления, характерные для отдельной народности. Второй смысл понимается, как слова и фразы, обозначающие как раз эти вещи.

Виноградов считает, что реалии – это «все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, а также традиционные предметы быта, характерные для прошлого или настоящего, этнографические и фольклорные понятия. Ученый относит реалии к категории безэквивалентной лексики» [6, с. 37].

Нельзя не подчеркнуть, что изначально слово «реалия» имело значение «вещественный» или же «действительный». Из этого следует, что раньше данное слово обозначало материальные объекты, а не абстрактные, однако мы можем заметить, что в современной науке реалии отображают не только материальные вещи, но и ситуации, явления, характеристики и т.п.

Л. Л. Нелюбин предлагает следующее определение реалии: «Реалии – это слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, несуществующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [36, с. 178].

Профессор и лингвист В. С. Слепович под реалией понимает отражаемую в языке особенность, то, что различает народы друг от друга [21, с. 79].

Литературовед и переводчик И. С. Алексеева рассматривает реалии как некоторое определенное выражение отличительных факторов поведения, обычаев, традиций людей, принадлежащих к одному народу и говорящих на одном языке, которые в тексте не ограничиваются употреблением какого-либо отдельного слова, а как раз воздействуют на специфику его предметного содержания в виде целого [1, с. 172].

Лингвист Г. Д. Томахин понимает под реалиями определенные названия объектов материальной культуры, которые свойственны только определенным нациям и народам, сюда включаются разнообразные исторические факты, общественные институты, имена национальных и фольклорных героев, включая мифологических существ [24, с. 5].

Педагог и профессор Т. И. Черемисина находит под реалиями маркированные локально слова, использующиеся для определения и характеристики обычаев, традиций, устоев, свойственных определенной народности [28, с. 27].

Под реалиями В. Д. Филатов понимает в первую очередь все слова, связанные с новыми условиями реальности людей, а также слова со сложными отношениями между представителями различных этнических сообществ в повседневной жизни и в работе [27, с. 171].

По мнению таких исследователей, как С. Влахов и С. Флорин, «реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, требующие особого подхода при переводе в силу того, что не имеют точных соответствий в других языках» [7, с. 47]. Ученые советуют подбирать особенный подход при переводе реалий, так как в других языках не существует прямых соответствий данным языковым единицам.

Выдающийся советский лингвист О. С. Ахманова считает, что реалия – это множество условий, изучаемых иностранной лингвистикой, таких как государственная структура, история и культура конкретной нации или конкретного народа, общение между носителями языка, с позиции их отражения в языковой ситуации [34, с. 187].

Советский исследователь А. Д. Швейцер рассматривает реалии как лексические единицы определенного национального языка, которые обозначают различные неповторимые референты, принадлежащие и служащие определенной лингвистической культуре, которые, в то же время, отсутствуют в сопоставляемой [30, с. 185].

На основании определений, представленных выше, единого мнения по поводу реалии не существует, каждый исследователь приписывает реалиям различные характеристики, которые могут различаться. Тем не менее среди них

можно определить соприкасающиеся моменты – в каждом определении говорится о том, что реалия является элементом некой «чужой» культуры, в связи с чем становится ясно, что для данных лексических единиц характерным является национальный, исторический, местный колорит.

Для полноты исследования стоит выделить, что некоторые исследователи, касаясь вопроса реалий, довольно сильно различаются в своих мнениях.

К примеру, советский лингвист и теоретик перевода В. Н. Комиссаров в своих исследованиях подчеркивает, что безэквивалентную лексику довольно часто можно обнаружить среди неологизмов, а также в ряду слов, которые именуют определенные понятия и национально-языковые реалии, включая несильно известные имена, для которых следует прибегать к созданию окказиональные соответствий в процессе перевода текста [15, с. 148]. Стоит подчеркнуть, что в определении, представленном выше, автор впервые называет неологизмы, как тип слов, прямо относящихся к реалиям, в то время как в определениях других исследователей данный лексический пласт не затрагивается.

Видно, что авторы различаются в своих мнениях по поводу данного явления, однако все они убеждены, что при переводе сравниваются не только языки различных народов или нации, но и их уникальная культурная самобытность.

Также необходимо подчеркнуть, что после тщательного исследования литературы, затрагивающей тему языковых и культурных реалий, становится предельно ясно, что исследователи, в вопросе использования данной лексической единицы, довольно часто прибегают к использованию таких слов, как: «локализм», «лакуна», «пробел», «варваризм», «этнографизм», «экзотическая лексика» «безэквивалентная лексика», «локалоид», «слова с

культурным компонентом», что, в свою очередь, может сужать значение исходного термина [11, с. 30-34].

Понятия «безэквивалентная лексика» и «локалоид» довольно часто используются исследователями в качестве наименования реалий, именно поэтому следует рассмотреть их более детально.

Безэквивалентная лексика представляет собой определенный пласт слов, которым довольно трудно найти смысл, используя обыкновенный перевод. В силу того, что данные слова имеют четкое место в любой языковой системе, безэквивалентная лексика представляет собой своеобразие лексической картины мира среди людей, принадлежащих к определенному народу. Стоит выделить то, что безэквивалентная лексика имеет проявление абсолютно в любой языковой лингвистической культуре, благодаря существованию объекта, представляющего из себя определенную ценность для определенной группы людей. Из этого следует, что для обнаружения такой единицы в словарном составе языка требуется использовать другой язык в качестве некоего индикатора.

С. Г. Тер-Минасова характеризует безэквивалентную лексику, как ярчайший показатель разницы миров различных народов или наций, владеющих различными языками [23, с. 287]. С этим трудно не согласиться, так как отличающиеся мировоззрения у представителей разных культур как раз являются одной из главнейших причин появления безэквивалентной лексики, указывая на то, как по-разному народы на нашей планете видят и исследуют мир.

Здесь важно отметить, что соотношение лексических единиц языка оригинала и языка перевода определяет и обуславливает передачу определенного денотативного значения данных слов. Каким будет данная передача значения зависит прямо от того, как слово в языке оригинала соотносится со словом из языка перевода. Профессор И. В. Арзамасцева

выделяет и описывает пять типов соотношения между лексическими единицами:

1) полное совпадение единиц языка оригинала и единиц языка перевода, как правило, данный тип не вызывает особых трудностей у переводчика;

2) денотативные значения единиц языка оригинала и, соответственно, их объем полностью покрываются определенной численностью значений нескольких слов языка перевода или наоборот;

3) частичное совпадение денотативного значения единицы языка оригинала с значением одной лексической единицы или нескольких единиц переводящего языка, и наоборот. В данном случае переводчик должен выбрать наиболее адекватное соответствие из списка подходящих слов;

4) несовпадение денотативных значений языка оригинала и языка перевода. В таком случае их значения могут быть эквивалентны друг другу лишь в границах или пределах особых сочетаний (данный принцип чаще всего характерен для устойчивых выражений);

5) отсутствие аналогов между языком оригинала и языком перевода. Именно такой тип соотношения характерен и актуален для передачи безэквивалентной лексики [3, с. 130].

Из этого следует, что безэквивалентная лексика – это совокупность слов и словосочетаний языка оригинала, которые не имеют точных соответствий в языке перевода. Нельзя не подчеркнуть культурный контекст данной лексики, что прямо соотносит ее с понятием реалии.

Для полноценного исследования данного вопроса целесообразно рассмотреть такие понятия, как лакуна и локалоиды, являющиеся синонимами термина «реалия».

Так, лакуна обозначает пробел, пропуск или же упущенный момент в тексте, а также лакуна используется для обозначения отсутствия языковых эквивалентов. А. Н. Щукин пишет в своем словаре, что лакуны связаны в большей степени с определением и обозначением различных национальных, культурных и исторических реалий [37, с. 136].

Профессор И.Н. Жукова, один из авторов словаря терминов по межкультурной коммуникации, пишет в своей работе, что в 1998 году В.В. Кабакчи впервые предложил и ввел термин «локалоид», понимания под этим заимствование международной или же интернациональной лексики в ее иноязычной форме, которая, как правило, используется в стилистических целях или же для разграничения с коррелятором языка описания [35, с. 223].

Однако нельзя не упомянуть и других ученых, которые, в свою очередь, отделяют лакуну от реалии. Так, автор словаря семантики и прагматики, А. Круз пишет в своей работе, что наличие в языке и культуре какого-либо определенного явления без слова, маркирующего его, позволяет присутствовать лакунарности. Исследователь также уверен, явления, объекты, феномены, чуждые для определенной культуры, не способны породить лакунарность [38, с. 93].

С данной позицией можно согласиться, так как само понятие «лакунарность», имея много общего с безэквивалентной лексикой, означает, что такому слову нет никаких эквивалентов в другом языке (языке перевода). Однако реалиям, в свою очередь, довольно часто можно подобрать эквивалент (даже в том случае, когда содержание и внешняя сторона реалий не пересекаются в языке оригинала и языке перевода, главное, чтобы в данном случае совпадала их коммуникативная функция.

Также нельзя забывать, что реалии нельзя путать и смешивать с терминами. Термины, находясь чаще всего в области научной литературы, отражают значение объектов или явлений, присущих данной области. Они,

конечно, могут появляться, например, в художественных текстах, однако лишь с стилистическими целями. Стоит также выделить то, что терминам, как правило, не свойственны образность и эмоциональность, в отличие от реалий [7, с. 57].

Нельзя не упомянуть такое понятие, как «культурема», которое находится достаточно близко с реалиями. У исследователей нет единого мнения по вопросу культурем.

Так, советский лингвист В. Г. Гак под культуремой понимает какой-либо культурный знак, который наделен языковым выражением. Таким образом, в данном случае в культуремах, имеющих языковое выражение, языковой знак является обозначающим, а реалия – обозначаемым (реалии здесь – это все явления, объекты, характеристики, относящиеся к группе людей определенной народности и культуры) [9, с. 21].

Э. Оксаар, в свою очередь, определяет культурему, как и некую абстрактную языковую единицу, которая имеет свойство по-разному реализовываться в процессе коммуникации. Данный подход к изучению культурем базируется на различном поведенческом опыте людей в процессе общения (благодарность, прощание, обсуждение) [33, с. 27]. Следовательно, при таком подходе так или иначе затрагиваются экстралингвистические факторы. Важно подчеркнуть, что само понятие «культурема» довольно сильно выражает культурную принадлежность элементов общения. Культуремы довольно тесно связаны с реалиями, несмотря на то, что это разные. Э. Оксаар в своей работе как раз и подтверждает данную позицию.

Разобрав и проанализировав наиболее известные трактовки понятия «реалия» от различных исследователей, мы можем выявить, что почти в каждой из них присутствуют такие языковые единицы, как "национальный", "специфика", "культура", "этнографические особенности", "чуждый другому

народу". Из этого следует, что реалии занимают особое место в языке различных народов и требуют от переводчиков особого внимания.

В настоящее время различные дисциплины, связанные с языком, обращаются и изучают языковые единицы, наиболее точно и четко передающие национальный и культурный характер носителей данного языка. Это является одним из важнейших аспектов изучения языка, а также большим вкладом в развитие межкультурной коммуникации. Без данного подхода люди обязательно будут испытывать большие проблемы в процессе изучения и использования иностранных языков.

Реалии являются важной и неотъемлемой сферой изучения, позволяя ощутить и погрузиться в национальную культуру носителей иного языка. Культура и язык не могут быть разделены, так как через язык мы можем проанализировать многие аспекты другой культуры, начиная с образа жизни и заканчивая национальными ценностями носителей иного языка. Из этого следует, что, работая с текстами, переводчик выступает связующим звеном не только для языков, но и для их культур. Без знания особенностей и характеристик другой культуры довольно тяжело выполнить качественный перевод. Именно поэтому реалии играют очень важную роль в филологических дисциплинах.

Различные трактовки такого понятия, как «реалия» показывают, что владение знаниями, помогающими обнаружить и более точно уловить суть такой лексики, является одним из важнейших факторов правильной передачи реалий. Абсолютно все исследователи понимают под реалией культурно-маркированную единицу языка, выделяют то, что реалии требуют особого подхода при переводе, а также уверены, что попытка максимально адекватно перевести реалии является неотъемлемым залогом успешной межкультурной коммуникации. С этими утверждениями нельзя не согласиться. Важно подчеркнуть, что на сегодняшний день не существует единой классификации реалий, в силу того, что исследователи не могут прийти к общему мнению,

затрагивая вопрос реалий. На наш взгляд данному вопросу следует уделить отдельное внимание, так как изучение содержания реалий может помочь определить логику их исследования в процессе заимствования реалий.

1.2. Типология реалий

Систематизация и классификация реалий очень важна в процессе исследования данной темы, так как сами реалии занимают важную часть в структуре каждого языка. Важно отметить, что в науке существует большое количество классификаций, которые основаны на различных характеристиках реалий, следует рассмотреть некоторые из них.

Приоритетнее начать с того, что реалии можно рассматривать с двух позиций: один язык (свои реалии и чужие реалии), два языка (внутренние реалии и внешние реалии) (рисунок 1.1).

Свои реалии отражают собственную и родную лексику какого-либо языка. Так, в русском языке своими реалиями будут такие слова, как коромысло, дворянин, в английском – виски, пудинг.

Чужие реалии включают в себя реалии, заимствованные из других языков (при помощи калькирования, транскрибирования и т.д.). Например, в русском языке существует большое количество подобных реалий – администратор, принтер, клуб.

Что касается внешних реалии, то они представляю собой заимствование, а точнее, чужую лексику чужой культуры сразу для обоих языков. Так, для английского и русского языков чуждыми словами являются: катана, сиртаки, карри и т.д.

Внутренние же реалии отражают лексику одного из сравниваемых языков, которая является чуждой для второго. Например, администратор – свое слово для английского, но чужое для русского, в это же время борщ – это свое слово для русского, но чужое для английского [22, с. 60].

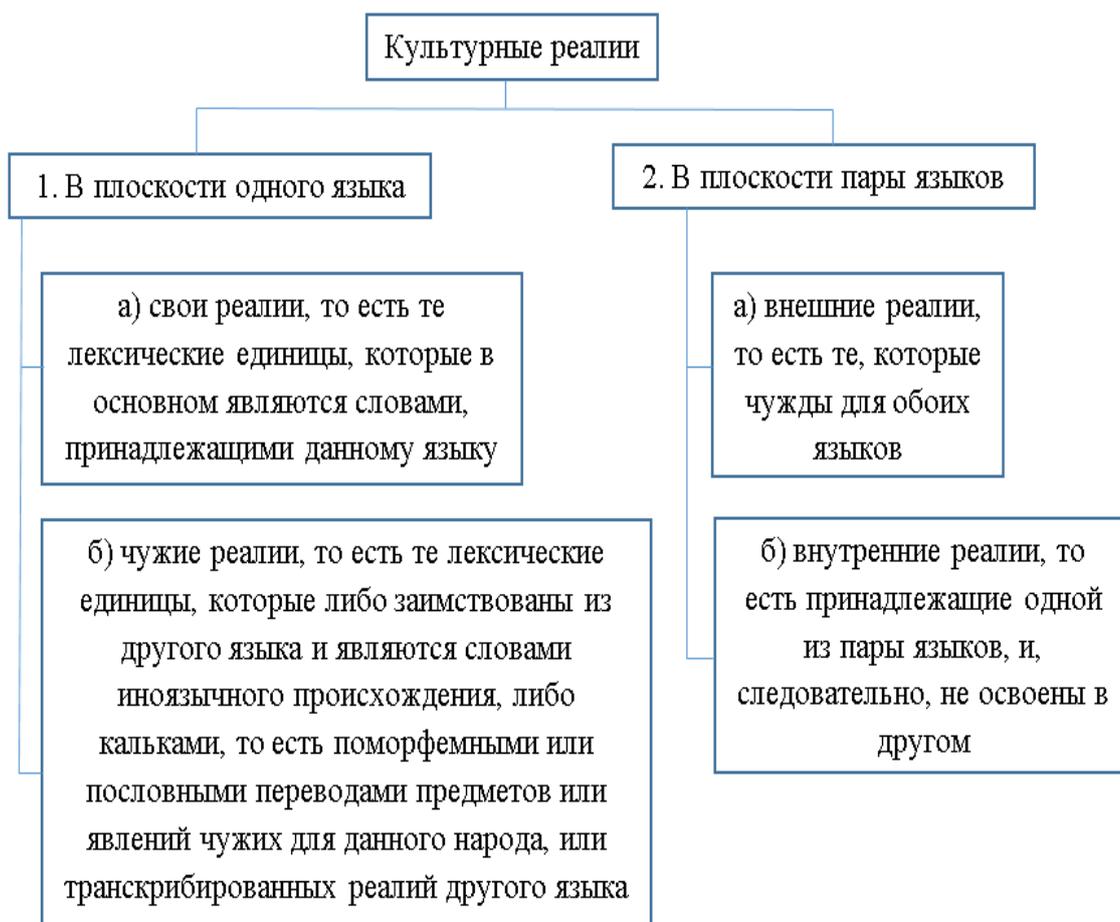

Рисунок 1.1 – Классификация культурных реалий в плоскостях языка [10, с. 68]

В то же время лингвист В. С. Слепович уверен в том, что при исследовании реалий верным решением будет остановиться на определенных типах или классах подобной лексики (например, этнографические, географические, общественные, политические), так как это позволяет заметить весь объем и широту такого понятия, как «реалия» [22, с.153]. Если учесть все вышесказанное, тогда классификация реалий по В. С. Слеповичу представляет из себя следующую таблицу (рисунок 1.2).

Рисунок 1.2 – Классификация реалий по В. С. Слеповичу

Переводчик и лексикограф В. Н. Крупнов подразделяет реалии следующим образом:

- 1) географические и этнографические;
- 2) мифологические и фольклорные;
- 3) бытовые;
- 4) рекламные и политические реалии [16, с.150].

С точки зрения профессора З. Г. Прошиной, реалии можно распределить по четырем аспектам:

- 1) уникальные, к которым относятся лексические единицы, связанные с культурой;
- 2) слова - аналоги;
- 3) подобные слова, имеющие другое значение в другой культуре. Наиболее яркими и распространенными примерами реалий данного класса можно считать приметы и поговорки, имеющие, тем не менее, разную трактовку среди представителей различных народов и принадлежащих к разным языковым культурам;
- 4) лакуны [17, с.117-118].

По мнению переводчика и лингвиста Н. А. Фененко, сам термин «реалия» является широким или же зонтичным, в силу того, что он включает в себя сам объект действительности, а также и культурную универсалию, не говоря о фонетической стороне данного вопроса. Именно поэтому профессор предлагает следующую классификацию:

- 1) R-реалии (франц. «realite»), единицы языка, которые описывают объект или явление чужой культуры;
- 2) C-реалии (франц. «concept culturel»), единицы языка, передающие элемент чужой культуры в плоскости родного языка;
- 3) L-реалии (франц. «lexeme»), единицы языка, обозначающие лексемы или фразосочетания [25, с.17].

Лингвист А. А. Реформатский, в свою очередь, распределяет реалии, опираясь на предметно-языковой принцип, в связи с чем, его классификацию можно представить следующим образом [18, с. 17] (рисунок 1.3).

Рисунок 1.3 – Классификация реалий по А.А. Реформатскому

Наиболее детальную и развернутую типологию предлагают лингвисты Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, состоящую из девяти аспектов с подробным описанием каждого [5, с. 47]. Их классификация представлена следующим образом:

- 1) советизмы (лексика, относящаяся к советскому периоду нашей истории и обозначающая предметы или явления, появившееся в данное время) – большевик, меньшевик;
- 2) языковые единицы, характеризующие прошлый быт людей – самовар, гусли;
- 3) лексические единицы, передающие современный быт людей – многоэтажка, микрорайон;
- 4) пословицы, поговорки, крылатые выражения, фразеологические обороты, появившиеся в советскую эпоху – бить баклуши, дать прикурить;
- 5) историзмы, в состав которых входят слова, называющие предметы и явления предшествующих исторических этапов развития общества – возчик, крепостной, лапти, холоп, локоть как мера длины;
- 6) лексика устного народного творчества, наделенная образностью и эмоциональностью – старче, красна девица;

- 7) антропонимы, собственные имена, наделенные коннотативным значением – Ломоносов (ум, интеллект), Сусанин (хитрость), Лжедмитрий (ложь, обман);
- 8) топонимы, то есть географические названия – Байкал, Ладога, Кубань;
- 9) коннотативные слова – лиса (хитрость), заяц (трусливость), лев (храбрость).

В данном случае следует акцентировать внимание на том, что классификация, представленная выше, не является актуальной, несмотря на ее объем. Между аспектами данной типологии нет четких границ, более того, большая часть пунктов этой классификации относится к периоду СССР, что также сказывается на актуальности, особенно если учитывать современную скорость развития языка. С тех пор прошло много времени и появилось много новых слов, и даже целых категорий слов. Именно поэтому очень важно осознавать тот факт, что различные культурные изменения так или иначе порождают новые реалии, а после и обозначение данных реалий [2, с.253].

Ознакомившись и проанализировав мнения различных авторов на проблему классификации реалий, можно сделать вывод, что данный вопрос в теории перевода все еще остается актуальным. Классификации, представленные выше, позволят при дальнейшем анализе различных текстов достаточно четко группировать выявленные реалии, что может способствовать составлению специализированных словарей по тематикам и позволит переводчикам обогащать словарный запас по узконаправленным тематикам в рамках их деятельности. Для исследования реалий, включая единицы из области кулинарии, также часто используется анализ по приёмам передачи реалий, которые будут рассмотрены ниже.

1.3. Способы передачи реалий

Различные культуры по всему миру взаимно заимствуют явления и понятия друг у друга, а языки – их определения. Благодаря заимствованию лексики из разных языков обогащаются культуры и языки разных народов. Нельзя отрицать тот факт, что контакты с кулинарной культурой России не могли не оставить свои плоды в английском языке. Англичане, встретившись с новыми и уникальными явлениями другой страны, так или иначе пытались перенести их в собственную культуру, прибегая к различным заимствованиям.

Лингвист и военный педагог Л. Л. Нелюбин определяет заимствование, как прикосновение к языковому достоянию другого языка с целью выразить новых и ранее не существовавших понятий в родном языке, а также, чтобы дифференцировать уже имеющееся [36, с. 78].

Профессор Э. Ф. Володарская предлагает следующие причины заимствований, который подразделяются на два класса: внутрilingвистические и экстралингвистические [8, с. 102-104].

Внутрilingвистические причины:

- 1) объект или явление не имеет обозначения в заимствующем языке;
- 2) наименование объекта или явления в языке-получателе недостаточно полное или же некорректное.

Экстралингвистические причины:

- 1) затрагивает социально-психологический аспект: слово может получать дополнительные смыслы, которых нет в языке перевода; так, французское слово “boutique”, которое обозначает «небольшой магазин в обеспеченном районе, в котором можно найти товары по высокой цене», и латинское слово “emporium”, передающее значение «большой торговый центр», используются,

чтобы подчеркнуть статус магазина, лавки или другого места, где продаются различные товары.

2) рост в современном обществе межкультурных коммуникаций, включая процесс глобализации являются плодотворной почвой для появления многих интернациональных лексических единиц.

Среди огромного количества приемов заимствования можно выделить основные, на основе которых возможно провести адекватный анализ передачи реалий русской кухни: транскрипция и который чаще других используются в данной сфере: транскрипция, транслитерация, калькирование и семантическое заимствование.

Транскрипция – фонемное воспроизведение языковой единицы другой культуры при помощи фонем языка перевода (футбол (football), спорт (sport), vodka (водка), dacha (дача)) [20, с. 11].

Стоит уделить внимание тому, как определяет данное явление профессор В. П. Берков характеризующий транскрипцию, как «запись иностранных слов средствами национального алфавита с учётом их произношения» [4, с. 518].

Здесь нужно уточнить, что прием транскрипции не всегда способен четко передать языковую единицу чужой культуры, так как, сравнивая его с транслитерацией, он не является нормированной и общепринятой системой передачи лексики. Используя транскрипцию, переводчик полагается лишь на свое восприятие и чувство адекватности перевода, и, как показывает практика, приемом транскрипции часто пользуются люди без подходящего профессионального подхода к данному аспекту. Учитывая тот факт, что у каждого народа существует свое собственное и отличительное восприятие мира, транскрипция может являться причиной хаотичного англоязычного написания лексики других народов, которые не используют латинский алфавит (Россия, Греция, Израиль, страны арабского мира). Ярким примером такого

исхода может послужить то, что один автор при передаче наименования известного блюда русской кухни, борща, выбирает написание «borsh», другому представляется более подходящим вариант «bortsch», а третьему вообще кажется, что более всего подходит написание «bortscht» [13, с. 39-41].

Транслитерация – заимствование языковой единицы другого языка, при котором заимствуется написание иностранного слова и используется алфавит заимствующего языка (мотель (motel), клуб (club), Вашингтон (Washington), Минск (Minsk) [20, с. 18].

Как отмечает профессор В. В. Кабакчи, транслитерация, в отличие от транскрипции, является нормированным и мотивированным приемом заимствования, при котором происходит изменение написания слова с иностранного языка на родной при помощи алфавитов данных языков (пара английского и русского алфавитов, латынь и кириллица). Прием транслитерации требует от переводчика максимально четкого соответствия между двумя системами письма. Используя транслитерацию, мы должны понимать, что каждому буквенному сочетанию в одном языке подходит только одно в другом [13, с. 42].

Нельзя забывать о том, что люди различных культур на нашей планете применяют более шестидесяти письменных систем, каждая из которых имеет свои нюансы и отличительные черты – все это в очередной раз подчеркивает важность использования и изучения транслитерации.

Отличным примером может послужить написание на английском названия столицы Китая – Пекина. В данном случае прекрасно видно, как при латинизации китайского языка изменяются правила транслитерации:

- Peiching
- Peking
- Beijing

Нельзя не затронуть отличительные особенности приема транслитерации, анализ которых необходим для полного понимания данного аспекта:

1. транслитерация дает возможность провести четкое соответствие между исходной языковой единицей и ее неалфавитным вариантом. Прием транслитерации является наиболее точным и нормированным способом заимствования иноязычной лексики, так как между языками часто существует общепринятая система транслитерации;

2. транслитерация создает вариант иноязычной лексики, описывающей элементы чужой культуры в удобной для восприятия форме для носителей языка-реципиента (например, в латинском алфавите, который более удобен для англоговорящих и всех, кто говорит по-английски);

3. при транслитерации довольно часто происходит фонетическое расхождение между лексической единицей языка-оригинала и заимствованием в языке-реципиенте [13, с. 43-44].

Калькирование является опосредованным заимствованием, при котором заимствованию подвергается не материальный знак, а его лексическая модель. При калькировании часто используется буквальный перевод языковой единицы. Данный прием также характеризует явление, при котором существующее в языке слово может принимать значения иностранной лексики. Калькирование образует как элементы, представленные во многих культурах, так и чисто элементы чуждой культуры.

Так, словосочетание на русском языке «холодная война» – это калька с англоязычного «cold war»; «небоскреб» является калькой английского слова «skyscraper». Говоря про отличительные элементы определенной культуры, мы можем заметить следующие примеры калек: при создании русскоязычного ксенонима, обозначающего сторонников Кромвеля в Английской революции семнадцатого века, была сделана лексическая калька идионима «Roundhead»,

основывалась она на соответствующих парах: round – «круглый»; head – «голова». В данном случае заметны определенные преобразования – -headed – «головый», в следствие чего в русском языке появился термин, характеризующий элемент английской культуры – «круглоголовый».

Стоит подчеркнуть, что прием калькирования невозможен без корреляции между языками, в связи с чем мы находим связи между лексико-семантическими единицами соприкасающихся языковых систем (морфемами, словами, словосочетаниями. Это следует рассматривать с позиции того, что в процессе контактов между языками, например, между английским и русским, русское слово «дверь» так или иначе имеет ассоциации с английской единицей «door», полионим «Солнце» – с коррелятом «Sun», а полионим «библиотека» – с англоязычным полионимом «library», «брат» – «brother», «узкий» – «narrow», «нырять» – «dive». В этом же ключе русский суффикс «-ист» прямо соотносится с англоязычным «-ist», и наоборот. Данные примеры связей являются результатами центростремительных процессов роста и развития народов нашей планеты. Здесь важно подчеркнуть, что двуязычие в межкультурной коммуникации направлено на то, чтобы максимально полагаться на то, что объединяет большинство контактных языков, тем самым обуславливая экономичность общения [13, с. 45].

Следует заметить, что среди лингвистов довольно часто можно заметить негативное отношение к приему калькирования. Так, Ж. Н. Сарангаева пишет о том, что «худшего врага у перевода, чем калька, нет» [19, с. 19].

Профессор А. В. Федоров придерживается похожей точки зрения, не считая калькирование достойным средством заимствования и именуя его «переводом описательным, перифрастическим» [26, с. 151] в качестве продуктивного или, по крайней мере, рекомендуемого теорией способа. С большими оговорками принимают калькирование Г.В. Чернов и Л.Т. Микулина.

С данным мнением полностью не согласна В. Н. Шевчук. Работая с проблемой передачи военных и военно-политических реалий между английским и русским языками, профессор заявляет, что прием калькирования является главенствующим и популярным приемом передачи реалий в данной сфере [31, с. 62].

Профессор Т. А. Казакова придерживается положительной точки зрения по отношению к калькам, заявляя в своих трудах то, что «большое количество словосочетаний в политической, научной и культурной областях практически представляют собой кальки» [14, с. 89].

Мы согласимся со словами исследователя Т. А. Казаковой, так как кальки занимают значительную часть в системе перевода, в связи с чем мы просто не можем отказаться от них или преуменьшать их значение. Более того, многие реалии попросту невозможно передать полноценно без использования калькирования (Зимний Дворец – Winter Palace, The Indian Ocean – Индийский океан).

Семантическое заимствование – заимствование нового значения к уже имеющемуся в языке слову. Также семантическое заимствование – это попытка определить и объяснить новую иноязычную лексику языковыми единицами родного языка, способными передать смысл оригинала (например, слово «reaction») [20, с. 24].

Семантические заимствования, как правило, являются следствием двуязычия, то есть межкультурно-лингвистического контакта. Здесь следует подчеркнуть, что семантические связи не могут возникать в рамках внутрикультурной коммуникации, хотя здесь наблюдается довольно похожее явление - многозначность слова: когда существующее слово приобретает новые

дополнительные значения, чаще всего с помощью стилистического средства – метафоры.

Описательный перевод пользуется большой популярностью среди переводчиков. Данный тип перевода заключается в толковании исходной языковой единицы, что довольно часто приводит к увеличению текстовой нагрузки. Важно отметить, что описательный перевод основывается на характеристиках и отличительных чертах исходного слова в попытке передать в заимствующий язык сущность иноязычной лексической единицы (например, слово «dacha» – a Russian country cottage used especially in the summer [50]).

Гипо-гиперонимический перевод заключается в построении эквивалентности между исходной лексической единицей и словом в заимствующем языке.

Данный прием основывается на видо-родовых отношениях, например, когда оригинальная единица, передающая видовое понятие, заменяется словом языка-реципиента, обозначающим родовое понятие, и наоборот. Другими словами, это все является приемами конкретизации или генерализации. Например, русское слово «терем» при различных обстоятельствах или в силу контекста на английский можно передать как «house».

Приближенный перевод или подбор аналога заключается в использовании приблизительно схожего эквивалента в заимствующем языке, способного передать исходное слово.

Преимуществом данного приема является его компактность и легкость в понимании, так как для получателя перевода данная лексическая единица уже знакома. Тем не менее, данный подход не всегда передает различные характеристики или особенности исходной единицы, не воссоздает полноту и

глубину оригинала (английское «drugstore» имеет русский аналог «аптека», однако наш аналог скрывает характеристики английского слова, указывающее на место, где продаются не только медицинские товары).

Выводы по Главе 1

Таким образом, мы можем сделать определенные выводы по данной главе. Понятие «реалия» имеет огромное количество дефиниций. Различные взгляды на жизнь народов нашей планеты обуславливают трудности и проблемы при передаче реалий. Данные трудности также обуславливаются отличающимися традициями и бытом различных наций, включая их материальные и духовные ценности. Каждый язык в нашем мире несет особую и отличительную социальную и культурную информацию, на которые необходимо обращать пристальное внимание в процессе перевода реалий, так как это важный аспект адекватного перевода. Довольно редко перевод реалии передает ту же глубину, колорит и дух, что и исходный вариант, так как переводчик прибегает к использованию различных приемов перевода реалий, в следствие чего результат в языке-реципиенте может утрачивать характеристики исходной единицы. Это обуславливается тем, что реалии несут отличительные особенности народа и его культуры. Именно поэтому на переводчике лежит большая ответственность, так как адекватный перевод реалии – это залог того, что получатель перевода не только верно воспримет информацию, но и полноценно ознакомится с культурой и бытом людей, принадлежащих к другому народу.

Нами было проанализировано большое количество дефиниций и толкований термина «реалия», благодаря чему мы можем подчеркнуть, что правильный перевод реалий прямо зависит от фоновых знаний переводчика. Абсолютно каждый исследователь аспекта реалий пишет о том, что реалии относятся к единицам культурной маркировки. Некоторые авторы также

акцентируют внимание на особый подход при переводе реалий, от которого зависит адекватность и успешность перевода, а, следовательно, и культурного контакта. Мы полностью согласны с данными утверждениями.

Однако важно выделить то, что при похожих мнениях и взглядах на вопрос реалий исследователи данной проблемы предлагают различные классификации подобной лексики, которые, тем не менее, чаще всего базируются на тематическом принципе. Так или иначе каждая классификация является полезной и сможет помочь группировать и идентифицировать реалии. Впрочем, важно подчеркнуть, что для анализа описания реалий чаще всего применяется анализ передачи и заимствования реалий.

Мы выявили основные приемы передачи реалий, такие как: транслитерация, транскрипция, калькирование, семантическое заимствование, описательный перевод, гипо-гиперонимический перевод и подбор аналога. Данные подходы помогут провести полноценный анализ описания реалий русской кухни в англоязычной среде.

Глава 2. Особенности англоязычной репрезентации наименований блюд русской кухни

Одним из основных аспектов практически любого анализа является категоризация анализируемых элементов, что делает само исследование более структурированным и полным, а также позволяет заметить различные отличия и закономерности в процессе анализа.

В следствие чего блюда были подразделены на следующие основные категории:

- 1) Напитки
- 2) Десерты
- 3) Блюда из теста
- 4) Супы
- 5) Блюда из крупы

2.1. Передача наименований блюд из категории напитков

Анализируя категорию напитков, хотелось бы начать с книги рецептов «The delights of Russian cuisine», написанной в 1988 году. В данной работе мы можем найти огромное количество заимствований различных напитков русской кухни.

Здесь мы можем заметить различные виды киселя, такие как: «Rosella Kisel, Strawberry Kisel, Cranberry Kisel, Lemon Kisel, Watermelon Kisel» [47, с. 90]. В данном случае мы наблюдаем следующую закономерность – вкус или же основной ингредиент напитка не подлежит трансформации и передается буквальным переводом, так как данные ягоды и фрукты существуют в обеих культурах и имеют свои обозначения, в то время как сам вид переводится с использованием частичной транслитерации. Частичность проявляется в последней букве «L», которая в русском языке смягчается, так как после нее

стоит мягкий знак. В английском языке не принято смягчать согласные звуки, в следствие чего англоговорящим привычнее оставить данный звук твердым [ˈkɪsɪl]. В таком случае транскрипция в свою очередь получается весьма условная, так как она передаёт не оригинальное произношение слова, а только приблизительное, осуществляемое звуковыми средствами заимствующего языка.

Отдельного внимания заслуживает квас, который в данной книге рецептов уже передается транслитерацией и транскрипцией одновременно – «Kvas, Lemon Kvas» [47, с. 92]. В данном случае как буквенная, так и звуковая части передают схожее написание (под схожим написанием понимается использование соответствующих букв английского алфавита) и звучание с исходным языком.

Однако в следующей книге рецептов «A taste of Russia» квас заимствован немного другим образом. В данной книге можно найти следующее заимствование данного напитка – «Kvass» [43, с. 163]. Здесь мы замечаем больший акцент на транскрипцию, нежели транслитерацию за счет удвоенной «s» в конце названия напитка, что более характерно при заимствовании слов с фрикативными звуками вроде русского «С». Тем не менее, передается данное блюдо при помощи транскрипции и транслитерации одновременно.

В этой же книге рецептов мы можем найти заимствование кисломолочных напитков, с использованием различных типов заимствования. «Кефир» – «Kefir» [43, с. 162], передается с помощью транслитерации, в то время как Варенец – «Baked Milk» [43, с. 162], передается при помощи приближенного перевода, подбирая аналог на основе способа приготовления данного блюда, которое получают из выпаренного топленого молока. Объяснить данное явление можно тем, что в случае передачи напитка варенец с использованием транслитерации или транскрипции, заимствование получилось достаточно трудным для произношения среди англоговорящих за счет звука

“ц”. Более того данное слово состоит из трех слогов, что так же доставило бы неудобства для его использования среди иностранцев.

В книге рецептов «The art of Russian cuisine» можно найти различные рецепты русского компота: «Kompot iz Fruktoy», «Kompot iz Sukhofruktoy», «Kompot iz Iagod» [46, с. 561-562]. В данном случае следует обратить внимание на то, что названия всех напитков заимствованы с использованием транслитерации, данный прием в частности распространяется здесь даже на союз «iz», что встречается довольно редко в англоязычных текстах. Тем не менее под каждым названием напитка присутствует пояснение: «Kompot iz Fruktoy – Mixed fruit compote» [46, с.561], в котором ингредиенты напитков передаются буквальным переводом без трансформаций, когда сам вид напитка передается с использованием транскрипции.

Передачу кулинарных реалий из можно обнаружить и в переводах художественной литературы. Так, сказки П. П. Бажова неоднократно переводились на английский язык, за анализ будет взят перевод Пола Уильямса «Tales of Urals», опубликованный в 2019 году. Учитывая тот факт, что сказки несут в себе множество реалий русского языка, включая быт, музыку, праздники, пищу и напитки, нам следует обнаружить передачу кулинарных реалий в данном переводе.

В сборнике сказок П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» мы можем найти следующее предложение, включающее сразу несколько категории блюд: «Только вот кусок-от у нас сиротский. Утром – лучок с кваском, вечером – квасок с лучком, вся и перемена.» («Малахитовая шкатулка») [39, с. 33] – «Only the fare'll be sparse. Onions and kvass in the morning, kvass and onions in the evening. » («The Malachite Casket») [41, с. 47].

В данном отрывке мы наблюдаем заимствование уже знакомого нам напитка «квас». Наименование данного русского напитка не имеет прямых

эквивалентов в англоязычной среде, поэтому для полноценной передачи значения данной лексической единицы Пол Уильямс прибегает к использованию приемов транслитерации и транскрипции. – «kvass». Однако такое переводческое решение может быть не совсем понятно англоязычному читателю, который может быть не очень хорошо знаком с русской культурой, поэтому, возможно, в будущем для полного понимания данной реалии потребуется введение переводческого комментария.

Стоит сделать промежуточный вывод по данной категории. В данной группе было проанализировано 13 примеров передачи русских напитков. Основываясь на том, что некоторые примеры передавались сразу несколькими способами, мы наблюдаем 13 примеров транскрипции и транслитерации (объединение данных приемов связано с тем, что в основном они используются вместе) и 1 пример аналога. Из этого следует, что транскрипция и транслитерация являются преобладающими приемами в данной категории.

2.2. Передача наименований блюд из категории десертов

В книге рецептов «The delights of Russian Cuisine» присутствуют различные заимствования десертов русской кухни.

Среди блюд можно заметить печенье хворост, которое заимствуется как «Khforost» [47, с. 84]. В данном случае мы наблюдаем использование транскрипции и транслитерации с большим вниманием к первому, так как в слове частично пренебрегается буквенная составляющая (русское «в» меняется на «f») с целью достичь схожего звучания во время произношения на английском языке.

В свою очередь десерт «ромовая баба» здесь же передают, как «Rum Baba» [47, с. 84]. Основной ингредиент все так же не подлежит трансформации, а передается буквальным переводом, когда слово «баба» в то же время передается с использованием транслитерации и транскрипции.

Среди десертов данной книги мы можем также заметить использование калькирования: «Молдавский торт – Moldavian Cake и Маковый пирог – Poppy Seed Cake» [47, с. 80]. Однако, в случае макового пирога мы можем рассматривать данный пример и как использование аналога, так как в английской культуре существует данное блюдо с маковыми зернами. Также важно уточнить, что «пирог» передается как «cake», что указывает на прием гипонимического перевода.

Нельзя не обратить внимание на заимствование блюда «кулич», переданного при помощи транскрипции и транслитерации одновременно «Kulich» ['kjuɫɪtʃ] [47, с. 67]. Также, анализируя транскрипционный аспект данного примера, стоит обратить внимание, что в данном примере русский звук «у» произносится больше как «йу», что ослабляет транскрипционную часть заимствования.

Нельзя не заметить передачу кулича в работе Лесли Чемберлен. Здесь мы находим следующее предложение: «We watched a strong-armed farm woman kneading dough for the traditional kulich Easter cake» [42, с. 47].

В данном примере наблюдается интересная закономерность. Кулич передается двумя способами. Само наименование блюда заимствовано при помощи транслитерации и транскрипции, однако далее мы видим словосочетание «Easter cake», указывающее на использование гипонимического перевода, так как здесь происходит замена родового понятия (кулич) на более широкое (cake). Такой выбор сделан с целью максимальной адаптации данной кулинарной реалии для ее удобного восприятия англоязычным читателем.

В книге рецептов «A taste of Russia» также можно найти заимствование десертов русской кухни. К примеру, рулет с яблоком и клюквой здесь передается с использованием подбора аналога – «Cranberry-Apple Loaf» [43, с.

204]. Также здесь мы можем заметить использование гипонимического приема, так как слово «loaf» имеет более широкое значение чем единица «рулет».

Интересным способом заимствуется торт «Свекруха», который в данной книге передается при помощи калькирования, как «Mother-in-Law» Cake [43, с. 207].

Отдельного внимания заслуживает пример с заимствованием торта «Тянучка». Здесь данное блюдо передается при помощи описательного заимствования. Смысл, заключенный в русском названии, передается в английском варианте через особенность ингредиента – карамели, которая имеет свойство тянуться. Также в названии указывается место возникновения блюда, что также подчеркивает использование описательного перевода при передаче кулинарной реалии. В итоге, в данной книге рецептов данный торт заимствуется, как «Russian Caramel Torte» [43, с. 206].

В книге «The art of Russian Cuisine» стоит обратить внимание на заимствование пирожного «Картошка», которое здесь передается, как «Rum Balls» [46, с. 554]. В данном случае также происходит приближенный перевод с подбором аналога, характеризующий отличительный ингредиент десерта и его форму, однако здесь мы встречаемся с минусом данного способа – он не в полной мере передает сущность русской кулинарной реалии.

Пример передачи десерта обнаруживается в переводе произведения А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» на английский язык переводчиком Ральфом Паркером.

В его переводе мы можем обнаружить следующий отрывок:

«Цезарь получил колбасу, сгущенное молоко, толстую копченую рыбу, сало, сухарики с запахом...» [40, с. 54].

«Tsezar had got sausage, condensed milk, a plump smoked fish, salt pork, crackers...» [45, с. 56].

В данном примере сгущенка передается как «condensed milk». Это указывает на использование автором приемов приближенного перевода с подбором аналога и описательного перевода. Описательность в данном случае основывается на единице «condensed», которая указывает на способ приготовления данного десерта, заключающееся в использовании концентрированного молока с большим количеством сахара, в процессе чего происходит сгущение.

Подводя промежуточный итог, нам следует выделить, что в данной категории было проанализировано 11 примеров передачи русских кулинарных реалий. Здесь был замечен широкий спектр использованных приемов: транскрипция и транслитерация (4 примера), калькирование (2 примера), приближенный перевод или подбор аналога (4 примера), гипонимический перевод (3 примера) и описательный способ (2 примера). Из этого следует, что приемы транскрипции, транслитерации и подбор аналога являются преобладающими в данной категории.

2.3. Передача наименований блюд из теста

В меню ресторана русской кухни «Sadko», расположенного в Сан-Франциско также можно заметить интересные случаи восприятия блюд кухни России.

В данном меню стоит обратить внимание на блюда из теста. Вместо общеизвестного слова «Dumplings», которым обозначаются практически все блюда из теста с начинкой, здесь прибегают к использованию транслитерации и транскрипции: «Pelmeni» ['pelmini], «Chebureki» [tʃəbʌrəki], «Vareniki» [və'renikɪ] [44].

Данную особенность можно объяснить ориентированностью на русскоговорящее население, проживающее в Сан-Франциско, так как ниже каждого названия приведенных блюд присутствует описание блюда с пояснением «Dumplings», которое уже является ближе для коренных жителей города: «Vareniki – Russian style dumplings» [44], что указывает на использование сразу двух способов передачи реалий: транслитерация и описательный перевод.

Особого внимания в данном меню заслуживают блинчики, которые заимствуются, как «Blintzes» [44]. В данном случае мы можем заметить, что основная часть блюда передается при помощи транслитерации, однако в то же время слово попадает под влияние грамматики английского языка, а именно под категорию числа, так как можно заметить окончание «es», что указывает на использование калькирования при передаче данной реалии.

Похожий способ передачи реалии можно обнаружить в работе Лесли Чемберлен: «Before Alex departed, Nicholas persuaded his parents to give her a special tea dance, followed by a supper of blinis and fresh caviar» [42, с. 27].

Здесь мы видим, что при передаче идионима «блины» — «blini» правила транслитерации нарушены, и в итоге выходит ассимилированный ксеноним, а при добавлении окончания множественного числа «s» получается вовсе деформированный вариант — blinis. Все это указывает на использование транслитерации и калькирования в процессе передачи данной кулинарной реалии.

В книге рецептов «The art of Russian Cuisine» блюда из теста заимствуются по такому же принципу, как и напитки. В данном случае мы можем заметить заимствование клёцок, которые передаются двумя путями. Само название – «Kliotski» [46, с. 408] заимствуется при помощи транскрипции и транслитерации, в то же время под названием блюда присутствует пояснения

– «Dumplings» [46, с. 408], переданное при помощи приближенного перевода с подбором аналога, который не передает в достаточной мере смысл данного блюда русской кухни, так как данное определение имеет довольно обширное поле значений, включая и другие блюда из теста с начинкой.

Также в данной книге интересным случаем заимствования выступают блины, которые имеют два варианта заимствования – «Blinchiki» и «Сrepes» [46, с. 461]. Первый вариант передается при помощи транскрипции и транслитерации одновременно, в то время как второй вариант передан при помощи подбора аналога. Однако данный аналог может вызвать вопросы, так как чаще всего для передачи данного блюда используют единицу «pancake».

Объяснить данный пример поможет этимологический словарь английского языка, из которого мы узнаем, что английское слово «сrepе» заимствовано от французского «crêpes» и в свою очередь означает «small, thin pancake" is from 1877, from French galette crêpe» [51]. Из этого мы можем понять, что «сrepе» было также выбрано на основе схожести с русским «блином», в отличие от более популярного и общего заимствования – «pancake».

В то же время, в книге рецептов «A taste of Russia» для передачи блинов прибегают к использованию слова «Pancakes», то есть здесь автор уже употребляет популярный аналог в английском языке – «Russian Pancakes» [43, с. 102]. Важно отметить, что в данном случае слово «Russian» в названии блюда также указывает и на описательную часть заимствования. Тем самым автор книги рецептов попытался отбросить все другие значения, которые несет слово «Pancakes», так как оно несет довольно общее значение.

В сборнике сказок П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка» мы можем найти следующее предложение, включающее сразу несколько категории блюд: «Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и

протчим, что по русскому обряду полагается.» («Медной горы хозяйка») [39, с. 24]. Пол Уильямс переводит данный отрывок следующим образом: «She fed him with good cabbage soup, fish pie, mutton, boiled grain and everything vich.» («The Mistress of the Copper Mountain») [41, с. 17].

В данном переводе помимо других блюд, которые также проанализированы в других категориях, здесь нас интересует рыбный пирог, который Пол Уильямс передает при помощи подбора аналога как «fish pie». Определение данного приема обуславливается тем, что блюдо из теста с начинкой из рыбы внутри не распространено в английской культуре. Кушанье «fish pie» мало похоже на русский пирог, а больше походит на запеканку с рыбой, так как при приготовлении данного блюда рыба запекается в картофеле.

В работе Лесли Чемберлен, посвященной русской кухне мы можем найти огромное количество примеров заимствования блюд нашей кухни.

Так, мы видим следующие примеры: «Pirogi, large pies, and pirozhki, individual pastries, are generally made from a yeast-based dough...» [42, с. 21].

В данном примере мы видим два блюда из теста – пироги и пирожки. Названия обоих вариантов переданы при помощи транслитерации, однако после каждого названия следует описание блюда – все это указывает на два приема, использованных при передаче данных реалий: транслитерация и описательный перевод. Однако важно отметить тот факт, что данные описания не передают значения блюд полноценно. При описании пирогов автор использует единицу «pies», которое имеет довольно широкое поле значения, включающее пироги, торты, пирожные и т.д. Описание пирожков также малопонятно, дословно оно звучит как «индивидуальная выпечка». Такое пояснение не передает смысл блюда в полной мере, что может привести к недопониманию среди англоязычных получателей перевода.

Подводя промежуточный итог по данной категории, нам следует выделить, что в данной группе было проанализировано 12 примеров передачи русских кулинарных реалий. Здесь были использованы следующие приемы передачи реалии: транскрипция и транслитерация (9 примеров), калькирование (2 примера), приближенный перевод или подбор аналога (4 примера), описательный перевод (6 примеров). Таким образом приемы транскрипции и транслитерации снова являются наиболее востребованными для передачи кулинарных реалии, проводя оценку данной категории.

2.4. Передача наименований блюд из категории супов

Категория супов является наиболее обширной по сравнению с другими, во всех книгах рецептов русской кухни присутствует огромное количество заимствований различных супов.

В меню ресторана «Sadko» мы наблюдаем следующие заимствования: «Solyanka», «Kharcho» [44], переданные с использованием транскрипции и транслитерации.

Стоит обратить внимание на окрошку, которая в разных книгах передается по-своему. В книге «A taste of Russia» окрошка – «Cold meat and vegetable soup» [43, с. 125], в книге рецептов «The delights of Russian cuisine» мы замечаем «Cold kvas soup» [47, с. 26], а в книге «Cooking the Russian way» окрошка передается, как «Chilled vegetable soup with meat» [48, с. 18].

Во всех этих вариантах используется описательное заимствование, однако второй вариант включает также транслитерацию и транскрипцию в слове «kvas». Говоря про описательный способ, нам следует подчеркнуть, что первый и третий примеры практически идентичны, они демонстрируют какие основные ингредиенты использованы в блюде, однако неизвестно на основе чего сделано блюдо. Второй вариант как раз указывает, что окрошка приготовлена на квасе.

Тем не менее, ознакомившись подробнее с рецептами окрошки, можно подчеркнуть, что в «A taste of Russia» окрошка приготовлена на кефире [43, с.125-126], а в «Cooking the Russian way» – на квасе [48, с. 18], однако в названии блюд это не передано.

Также важно рассмотреть заимствования ухи. В меню ресторана «Sadko» уха заимствуется как «Ucha» [44] с использованием транслитерации, в книге «The delights of Russian cuisine» мы наблюдаем приближенный перевод – «Fish soup» [47, с. 26]. Такой же способ заимствования, но с большим пояснением, наблюдается в книге рецептов «The art of Russian cuisine», где уха передается как «Clear fish soup» [3, с. 75], что может также указывать на описательность при передаче данной кулинарной реалии.

Более интересный способ описания ухи мы можем найти в работе Лесли Чемберлен. Здесь название данного блюда передается при помощи транскрипции и транслитерации – Ukha [42, с. 70]. Однако ниже автор приводит историю ухи и происхождение названия данного блюда: «It is actually a form of the word ear (ukho) and in the Middle Ages it meant a quick bouillon». Данная передача блюда не только знакомит читателя с иноязычной реальией посредством транскрипции и транслитерации, но и предоставляет реципиенту историческую справку об ухе и ее названии, подобное описание кулинарной реалии встречается довольно редко, так как авторы в основном передают название блюда и его краткое описание на основе ингредиентов.

Один из самых популярных супов – борщ также заимствуется различными способами. В меню ресторана «Sadko» борщ передается как «Borsch» [44] с использованием транскрипции и транслитерации вместе.

Однако в книге рецептов «The art of Russian cuisine» мы наблюдаем, что заглавие рецепта борща передается также при помощи транскрипции и транслитерации – «Borshch», но ниже, при пояснении блюда, борщ передается

уже как «Beetroot soup» [46, с. 97] с использованием подбора аналога, основанного на одном из ингредиентов борща.

Также можно заметить, что варианты смешанного заимствования при помощи транскрипции и транслитерации в меню «Sadko» и книге «The art of Russian cuisine» немного отличаются. Это связано с звуком «щ», который вызывает трудности у цианглоговорящих в процессе его произношения. В следствие чего они пытаются заменить его сочетаниями «сч» и «шч» соответственно.

Лесли Чемберлен описывает борщ при помощи транслитерации – Borshch [42, с. 61], однако ниже автор дает подробное описание блюда, где определяет его ближе к украинской кухне: «What shchi is to the Russians, borshch is to the Ukrainians». Чемберлен подробно описывает, в каких странах люди едят борщ и как это блюдо попало в западные страны: «It is also claimed as a speciality of Jewish cookery, which has carried a number of originally Russian dishes to Europe and the United States».

Нельзя не вспомнить и перевод сказок Пола Уильямса, отрывок из которого был приведен в прошлых категориях: «Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим, что по русскому обряду полагается.» («Медной горы Хозяйка») [39, с. 24] – She fed him with good cabbage soup, fish pie, mutton, boiled grain and everything vich. («The Mistress of the Copper Mountain») [41, с. 17].

При анализе категории супов нас интересует передача такого русского блюда, как «щи». В данном примере переводчик прибегает к использованию приближенного перевода или же подбора аналога. Являясь традиционно славянским блюдом, щи не имеет точных эквивалентов в английском языке. Именно поэтому при переводе нужно подобрать слово, способное вызвать

схожие ассоциации и подобное восприятие как у русского читателя, так и у англоговорящего получателя перевода.

В данном примере аналог «cabbage soup» не передает весь смысл и характеристики, присущие русскому блюду. Cabbage soup в первую очередь – это суп, приготовленный из овощей, в то время как русские щи обязательно включают в свой состав мясо. Сравнивая способы приготовления щей с cabbage soup, мы наблюдаем, что для приготовления cabbage soup используются исключительно овощи без добавления мяса. Стоит подчеркнуть, что даже количество и набор овощей в обоих блюдах также отличается. Важно отметить, что в cabbage soup используют овощи, которых нет в щах, например, фасоль, сельдерей и различные специи. Таким образом англоязычный получатель перевода не сможет ощутить всю сущность и полный смысл русской кулинарной реалии «щи».

Пример передачи щей можно обнаружить и в работе Лесли Чемберлен. В данном случае мы наблюдаем следующий пример: «solid vegetable soup (shchi)» [42, с. 21].

Здесь щи передаются описательным переводом, который, однако, также не передает полностью сущность русской кулинарной реалии. Словосочетание «густой овощной суп» может подойти для многих блюд русской кухни. Именно поэтому данный вариант может ввести в заблуждение англоязычного читателя. Тем не менее в скобках мы видим использование транскрипции и транслитерации, которые уже прямо указывают на иноязычную реалию.

Также в данной работе автор приводит различные варианты транскрипции блюда «щи»: «shchi, also – tschee, stchi, stchie, stchee, shtchee, shtchi, shtshi, schtschi» [42, с. 37].

Данный пример в очередной раз показывает на трудность передачи русских шипящих звуков в англоязычном тексте.

В книге рецептов «Cooking the Russian way» мы находим описание еще одного супа русской кухни – рассольник. Здесь данное блюдо передается, как: «Rassolnik – Tart sorrel soup with kidneys» [48, с. 22]. Мы видим, что рассольник передается при помощи двух приемов: транслитерация и описательный перевод. Говоря про описательность, стоит сделать акцент на ингредиентах в передаче рассольника – щавелевый суп с почками. Данный пример передает основные и отличительные ингредиенты данного блюда, которые отличают его от других супов русской кухни.

Подводя итоги данной категории, нам важно подчеркнуть, что здесь были исследовано 15 примеров передачи реалий. В группе блюд были использованы следующие приемы: транскрипция и транслитерация (10 примеров), приближенный перевод или подбор аналога (4 примера) и описательный перевод (8 примеров). Транскрипция и транслитерация снова являются наиболее предпочтительными приемами для передачи реалий, однако набирают не такой большой отрыв как в предыдущих категориях.

2.5. Передача наименований блюд из крупы

В книге рецептов «The delights of Russian cuisine» наблюдается интересная ситуация в главе с русскими блюдами из круп. Здесь мы можем заметить следующие заимствования «Buckwheat Kasha» и «Buckwheat Kasha with Mushrooms» [47, с. 75], за которыми следуют следующие названия блюд: «Wheat Porridge», «Rice Porridge» [47, с. 75-76].

Объяснить тот факт, что в первых примерах используется транслитерация и транскрипция, а в последних использование знакомого англоязычному населению аналога, можно тем, что единица «Porridge» в английской культуре - это блюдо, приготовленное путем отваривания зерен или бобовых в молоке или воде до тех пор, пока они не станут мягкими и кремообразными, наиболее распространенными злаками являются овес, рис и кукурузная мука, что мы

можем увидеть выше. В то время как «Kasha», с другой стороны, - это крупяное блюдо, которое готовится преимущественно из гречневой крупы, которая в англоязычной культуре прямо ассоциируется с восточноевропейской кухней [49].

Однако в работе Лесли Чемберлен гречневая каша передается иным образом. Здесь мы можем найти следующее выражение: «buckwheat porridge (kasha)» [42, с. 21].

В данном примере автор также использует прием подбора аналога, однако использует единицу «porridge». Данный выбор, в отличие от предыдущего примера, более понятен для англоязычного читателя, указывая на знакомое блюдо. Тем не менее в скобках мы видим пояснение, переданное при помощи транслитерации и транскрипции. Анализируя данное пояснение, нам важно подчеркнуть, что оно не передает всю суть русского блюда, а характеризует лишь категорию блюда, что также может принести неудобства для англоязычных получателей перевода.

В книге рецептов «Cooking the Russian way» каша вообще заимствуется при помощи описательного способа, и блюдо «гречневая каша» предстает как «buckwheat groats» [48, с. 69]. В данном случае мы видим, что, в отличие от первых примеров, каша передается на основании главного ингредиента, из которого она состоит – гречневая крупа. Такой выбор не передает название блюда, а больше похож на попытку его описания через ингредиенты.

Стоит выделить тот факт, что довольно часто в книгах рецептов при заимствовании каш русской кухни, авторы отстраняются от передачи каши транслитерацией или транскрипцией, адаптируя их с использованием слов, передающих различные свойства данных блюд.

Так, в «The art of Russian cuisine» молочная каша вообще становится супом – «Milk and Rice Soup» [46, с. 222-223], что указывает на попытку

использования семантического способа, придавая слову «soup» немного другое значение, однако это данный пример больше указывает на приближенный перевод, который является попыткой адаптации русской кулинарной реалии для англоязычного читателя. В «A taste of Russia» каша из каштанов заимствуется как «Chestnut Puree» [43, с. 101], что также подчеркивает использование подбора аналога, основанного на консистенции блюда.

В отрывке из перевода сказок Пола Уильямса, который уже был приведен выше, мы находим заимствование каши: «Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и прочим, что по русскому обряду полагается.» («Медной горы Хозяйка») [39, с. 24] – «She fed him with good cabbage soup, fish pie, mutton, boiled grain and everything vich.» («The Mistress of the Copper Mountain») [41, с. 17].

В данном примере мы находим передачу каши как «boiled grain». Данное заимствование основывается на подборе аналога вместе с описательным аспектом. Каша представляет из себя блюдо из сваренного зерна, английский вариант, который в буквальном переводе обозначает «вареное зерно», одновременно создает некий аналог блюда, но в то же время характеризует свойства его приготовления. Стоит также выделить то, что переводчик отказался от использования популярной единицы «porridge», что является правильным решением, так как оно не передает в достаточной мере смысл оригинальной реалии.

Подводя краткие итоги по данной категории, мы можем выделить то, что здесь было проанализировано 9 примеров передачи кулинарных реалий русской кухни. При заимствовании данных блюд авторы прибегали к следующим приемам передачи реалии: транскрипция и транслитерация (3 примера), приближенный перевод или подбор аналога (6 примеров), описательный метод (2 примера). Важно отметить, что в случае передачи молочной каши из книги рецептов «The art of Russian cuisine» как «Milk and Rice Soup» мы заметили

черты семантического заимствования, однако это не указано в данном промежуточном выводе в силу того, что данный пример недостаточно точно характеризует использование семантического заимствования и имеет признаки использования приближенного перевода. Также стоит выделить то, что приемы транскрипции и транслитерации не преобладают в данной категории (в отличие от большинства предыдущих групп), уступая место приближенному переводу или подбору аналога.

Выводы по Главе 2

В рамках проведенного исследования были проанализированы 60 примеров передачи реалий русской кухни. Данные примеры были взяты из различных англоязычных источников, включающих в себя меню, книги кулинарных рецептов и переводы русских художественных произведений.

В ходе данного исследования мы выявили использование шести из семи приемов передачи реалий, описанных в первой главе. Помимо этого, многие авторы заимствуют одну и ту же кулинарную реалию при помощи различных приемов передачи реалий. Объяснить это можно сложностью написания и произношения русских кулинарных реалий и попытками авторов передать реалию адекватно и понятно для получателя перевода. В данном случае показательны примеры передачи блюда «щи», которые заимствуются при помощи транскрипции и транслитерации (shchi, also – tschee, stchi, stchie, stchee, shtchee, shtchi, shtshi, schtschi), подбора аналога (cabbage soup) и описательного перевода (solid vegetable soup).

В процессе проведенного исследования мы выявили, что наиболее распространенными приемами передачи реалии в сфере русской кухни являются транскрипция и транслитерация, приближенный перевод или подбор аналога и описательный перевод. Остальные способы встречаются реже. Важно

также выделить, что приемы транскрипции и транслитерации достаточно сильно обходят все другие способы передачи реалии.

Также важно подчеркнуть, что во многих примерах используются сразу несколько приемов. Так, транскрипция и транслитерация практически всегда сопровождают друг друга (Pirogi), транскрипция и транслитерация часто используются с подбором аналога или описательным переводом (Borshch – Beet soup; pirozhki – individual pastries). Данный подход является наиболее приемлемым, по нашему мнению, так как он не только знакомит представителя другой культуры с внешней оболочкой иноязычной реалии (звуковая и буквенная стороны, переданные транскрипцией и транслитерацией), но и предоставляет знакомый аналог или описание, благодаря которым иностранец успешно воспринимает сущность русской кулинарной реалии.

Стоит выделить то, что категория напитков практически полностью состоит из транскрипции и транслитерации (13 примеров транскрипции и транслитерации и 1 пример подбора аналога).

Наиболее разнообразной категорией является группа десертов, так как там использованы все приемы кроме семантического заимствования.

Каждый автор попытался передать определенную реалию, используя различные способы. Определенно нельзя сказать какой из приемов наиболее точно и глубоко передает суть и глубину кулинарной реалии, так как у каждого из них есть свои преимущества и недостатки. Тем не менее мы выявили большой интерес, проявленный англоязычными авторами, к русской кулинарии, на что указывает большое количество примеров заимствований и такое же большое количество приемов передачи реалий, использованных в данной сфере.

Заключение

Подводя итоги проведенной работы, мы можем сделать определенные выводы:

Реалии и их классификации вызывают огромное количество вопросов у исследователей, так как они не могут прийти к одной точке зрения, анализируя данные аспекты.

Мы рассмотрели обширное число определений понятия «реалия», представленных различными авторами. Опираясь на данную информацию, мы можем выделить, что практически все авторы ставят во внимание наличие фоновых знаний у переводчика при переводе реалий. Все исследователи рассматривают реалии как единицы, отражающие специфику культуры носителей определенного языка, вследствие чего переводчик должен находить специальный подход к таким единицам, чтобы произвести адекватный перевод. С этим довольно трудно не согласиться. Реалии демонстрируют колорит и самобытность народа, отражают взгляды на мир и несут информацию о быте людей, принадлежащих к определенному народу и говорящих на одном языке.

Проанализировав различные мнения исследователей насчет вопроса классификации реалий, мы прекрасно видим, что данная проблема до сих пор актуальна среди ученых. Точки зрения авторов снова разнятся, из чего мы понимаем, что данный вопрос все еще не решен. Так или иначе каждая классификация является полезной и отражает различные мнения о типологии реалий, что является очень полезным в процессе анализа данных единиц.

Однако важно подчеркнуть, что для исследования передачи реалий чаще всего прибегают к анализу приемов передачи реалий, именно такая работа была проведена в данном исследовании.

Примеры заимствований реалий русской кухни были взяты из различных источников. К ним относятся меню ресторана русской кухни «Sadko» в США, четыре книги рецептов русской кухни от англоязычных авторов, англоязычные переводы сказок П. П. Бажова и произведений А. И. Солженицына, а также работа Л. Чемберлен «The Food and Cooking of Russia».

В данных работах были выявлены следующие приемы передачи реалий:

1. транскрипция;
2. транслитерация;
3. калькирование;
4. описательный перевод;
5. приближенный перевод или подбор аналога;
6. гипонимический перевод.

Наиболее популярными способами являются транскрипция и транслитерация (47%), далее следует приближенный перевод или подбор аналога (25%), за ним следует описательный перевод (19%), менее популярными являются калькирование (5%) и гипонимический перевод (4%) (см. Приложение).

Каждый автор попытался передать определенную реалию, используя различные способы. Определенно нельзя сказать какой из приемов наиболее точно и глубоко передает суть и глубину кулинарной реалии, так как у каждого из них есть свои преимущества и недостатки.

Было обнаружено приличное количество примеров передачи одной и той же кулинарной реалии разными способами. Например, блюдо «борщ» передается и при помощи транскрипции и транслитерации – «Borshch» и при

помощи приближенного перевода – «Beet soup», или выпечка «кулич», которая также заимствуется при помощи транскрипции и транслитерации как «pelmeni», но и при помощи приближенного перевода – «dumplings».

Объяснить это можно различными взглядами авторов на то, как более точно и адекватно передать реалию чужой культуры для англоязычного получателя перевода, что является достаточно трудной задачей для переводчика.

Как было сказано выше, у каждого способа есть свои плюсы и минусы.

Являясь наиболее популярными приемами передачи реалии, транскрипция и транслитерация, однако, передают лишь внешнюю оболочку языковой единицы, ее письменное оформление и звуковое содержание. Такие примеры как «comrote» или «stchie» мало что передают читателю о самом блюде и его особенностях, что может вызвать вопросы у получателя перевода.

Калькирование для передачи кулинарных реалий использовалось крайне редко (торт «Свекруха» – «Mother-in-law» cake). Тем не менее данный прием делает смысл названия иноязычной реалии более понятным. Калькирование также используется вместе с другими приемами, например, вместе с транслитерацией и транскрипцией: «блины» – «blinis». Здесь калька множественного числа определенно поможет читателю и более точно передаст значение блюда.

Гипонимический перевод недостаточно точно передает глубину и колорит реалии, однако он полезен в том, что применяется в случаях, когда передать лаконично общую суть реалии другим способом довольно трудно или невозможно. Показателен пример с блюдом «кулич», которое довольно далекое для англоязычной культуры. Данному блюду нельзя подобрать аналог в английском языке, описательный перевод может не подойти по контексту или

другим причинам. Именно в данном случае генерализация реалии – «Easter cake» будет наиболее подходящей.

Описательный и приближенные переводы лучше других передают характеристики и особенности русских блюд, а также являются наиболее понятными для читателя, однако данные приемы не передают колорит и национальную идентичность реалии, которая отражает русскую культуру (щи – cabbage soup). Более того, описательный перевод часто является довольно обширным и может нагружать текст (окрошка – cold meat and vegetable soup, chilled vegetable soup with meat, cold kvas soup).

Наиболее удачным вариантом, по нашему мнению, является передача кулинарной реалии при помощи нескольких способов сразу, а особенно при помощи транскрипции и транслитерации вместе с описательным или приближенным переводами. Данный подход не только передает внешнюю оболочку иноязычной реалии, что уже знакомит иностранца с чужой культурой на уровне языка, но и представляет ему сущность чужой кулинарной реалии в более знакомом ключе. Такой подход несет наибольшую информацию для получателя перевода.

Мы отметили самые основные изменения и наметили основные тенденции развития.

Перевод реалий — один из наиболее сложных разделов в теории перевода. Это обуславливается различиями в культуре той или иной нации. Расширение межкультурных связей между народами ставит перед переводчиком очень важную задачу – донести все своеобразие различных культур народов мира.

Список используемой литературы

Библиография

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие: для студентов филологических и лингвистических фак. вузов / И. С. Алексеева. – 2-е изд., стер. – Москва: Академия; Санкт-Петербург: Филологический фак. СПбГУ, 2006 (Саратов: Саратовский полиграфкомбинат). – 346 с.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений: учебное пособие / В. М. Алпатов. – Москва: Языки рус. культуры: Кошелев, 1998. – 367 с.
3. Арзамасцева, И. В. Практические основы перевода по немецкому языку: учебное пособие к семинарским занятиям для студентов специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» / сост. И. В. Арзамасцева. – Ульяновск: УЛГТУ, 2012. – 130 с.
4. Берков, В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. – Л. : ЛГУ, 1973. – 190 с.
5. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностранного: Метод. руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 251 с.
6. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
7. Влахов, С. Непереводимое в переводе / Сергей Влахов, Сидер Флорин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 416 с.
8. Володарская, Э. Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. №4. – С. 96-118.

9. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Шк. "Яз. рус. культуры", 1998. – 763 с.
10. Горская, С. А. Лексика. Фразеология. Лексикография: практикум / С. А. Горская. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 137 с.
11. Ерофеева, Е. В. Способы передачи русских реалий в переводах детективов А. Марининой на французский язык // Перевод и сопоставительная лингвистика: период. науч. журн. ... 2013. Вып. 9. – С. 30–34.
12. Есакова, М. Н. Речевая культура переводчика. Русский язык: учебное пособие. Книга для преподавателя. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Издательство «ФЛИНТА», 2017. – 111 с.
13. Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 231 с.
14. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. – СПб. : Союз, 2000. – 319 с.
15. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе: (Очерк лингвист. учения о переводе). – Москва: Междунар. отношения, 1973. – 215 с.
16. Крупнов, В. Н. В творческой лаборатории переводчика: Очерки по проф. переводу / В. Н. Крупнов. – Москва: Междунар. отношения, 1976. – 190 с.
17. Прошина, З. Г. Теория перевода = Theory of translation: С английского на русский и с русского на английский языки / З. Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 265 с.
18. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – 4-е изд-е, испр. и доп. — М. : Просвещение, 1967. – 139 с.
19. Реформатский, А. А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе. – 1952. — № 6. – С. 12–22.

20. Сарангаева, Ж. Н., Даржинова Л. В. // Роль заимствований в английском языке, 2015. – С. 22–26.
21. Слепович, В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский = Russian – English Translation Handbook / В. С. Слепович. – Минск: Тетралит, 2013. – 304 с.
22. Слепович, В. С. Перевод (английский – русский) = Translation (English – Russian): учебник / В. С. Слепович. – Минск: Тетралит, 2014. – 336 с
23. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово, 2008. – 341 с.
24. Томахин, Г. Д. Реалии – американизмы: Пособие по страноведению: Для ин-тов и фак. иностр. языков / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – 238 с.
25. Фененко, Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т: Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук, 2001. – 139 с.
26. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода. – М. : Высшая школа, 1983. – 303 с.
27. Филатов, В. Д. Локальная маркированность фразеологических единиц (на материале английского языка Канады) / В. Д. Филатов // МГПИИЯ: сборник научных трудов. – Вып. 171. – М., 1981. – С. 169–180
28. Черемисина, Т. И. Функциональный аспект неассимилированных заимствований в современном английском языке / Т.И. Черемисина // Сборник научных трудов / Московский ордена Дружбы народов государственный педагогический институт иностранных языков имени М. Горького; редкол. : Г. Ю. Князева (отв. ред.) [и др.]. – М., 1983. – Вып. 212; – 124 с.

29. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. – 5-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2018. – 255 с.
30. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер; отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. – 214 с.
31. Шевчук, В. Н. Относительно калькирования советских военных реалий на английском языке // Лингвистические проблемы перевода. – М. : МГУ, 1981. – С. 61–68.
32. Этнолингвокультурология: учебное пособие / сост. Т. С. Вершинина, М. О. Гузикова, О. Л. Кочева; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – 2-е изд., стер. – Москва: Флинта: Уральский федеральный университет (УрФУ), 2017. – 81 с.
33. Oksaar, E. Kulturemtheorie: ein Beitrag zur Sprachverwendungsforschung. Göttingen, 1988. – 665 p.

Словари

34. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 569 с.
35. Жукова, И. Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2017. – 632 с.
36. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 318 с.
37. Щукин, А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц / А. Н. Щукин. – Москва: АСТ [и др.], 2006. – 746 с.

38. Cruse, A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Oxford University Press, 2006. – 208 p.

Источники фактического материала

39. Бажов, П. П. Малахитовая шкатулка / Сост. и авт. предисл. Н. И. Савушкина. – М. : Просвещение, 1985. – 303 с.

40. Солженицын, А. И. Архипелаг ГУЛАГ / А.И. Солженицын – М. : Азбука-Аттикус, Азбука, 2011. – 2048 с.

41. Vazhov, P. Tales of the Urals. – СПб: Яркий город, 2019. – 112 p.

42. Chamberlain, L. The Food and Cooking of Russia / L. Chamberlain. — N. Y. : Penguin, 1998. — 200 p.

43. Goldstein, D. A taste of Russia. Montpelier, VT: Russian Life Books, 1999. – 228 p.

44. Sadko European Russian Cuisine Menu, 2010.

45. Solzenitsyn, A. One day in the life of Ivan Denisovich / A. Solzhenitsyn / Translated by Ralph Parker – N. Y. : Penguin Books USA Inc., 1963. – 64 p.

46. Volokh, A. The art of Russian cuisine. New York: Macmillan, 1983. – 646 p.

47. Webb, Y. The delights of Russian cuisine. Bay, 1988. – 100 p.

48. Wolfe, R. Robert, L. Cooking the Russian way. Minneapolis: Lerner Publications, 1986. – 116 p.

Список электронных ресурсов

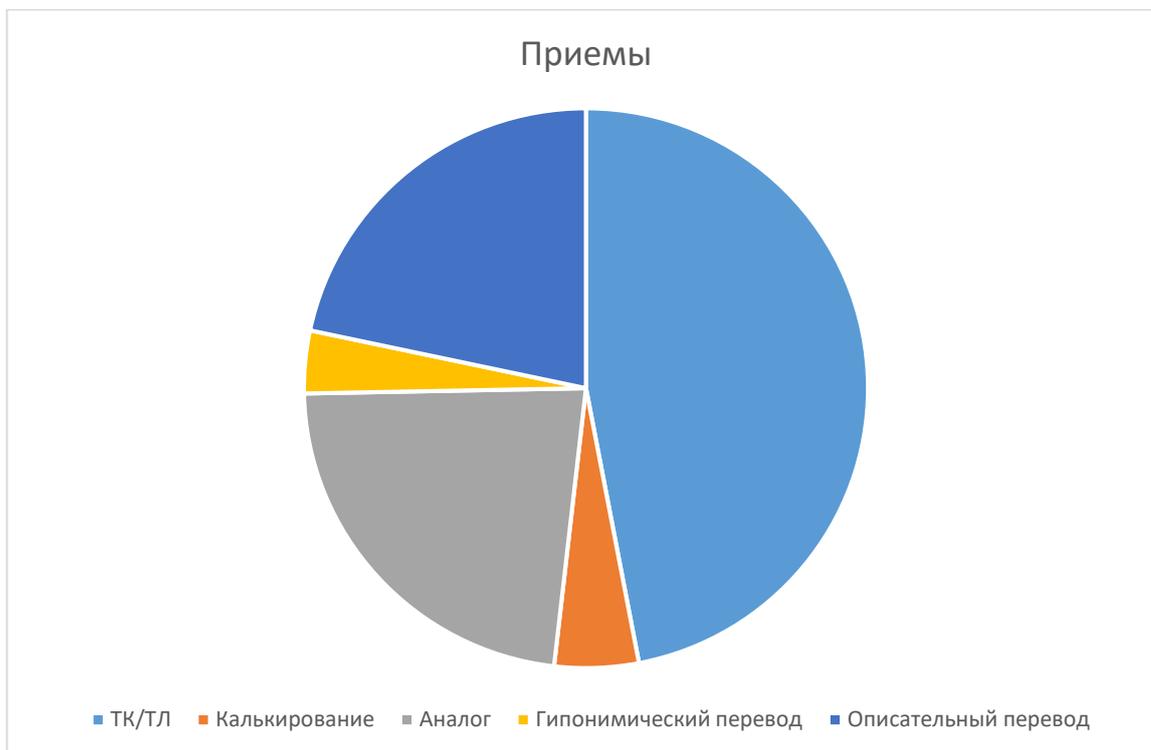
49. Kasha [Электронный ресурс] // Academic Dictionaries and Encyclopedias / Academic, 2024. – Режим доступа:

<https://etymology.enacademic.com/searchall.php?SWord=kasha&from=en&to=xx&id=etymology&style=> (дата обращения: 13.04.2024).

50. Dacha [Электронный ресурс] // Merriam-Webster Dictionary / Merriam-Webster, Incorporated, 2000–2024. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/dacha> (дата обращения: 29.03.2024).

51. Crepe [Электронный ресурс] // Online Etymology Dictionary / Douglas Harper, 2001–2024. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=crepe> (дата обращения: 29.04.2024).

Приложение

Транскрипция/транслитерация: 39 (47%);

Приближенный перевод (аналог): 19 (23%);

Описательный перевод: 18 (22%);

Калькирование: 4 (5%);

Гипонимический перевод: 3 (4%).